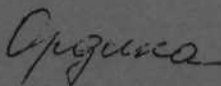

Ордина Ольга Николаевна

**Феномен старчества в русской духовной
культуре XIX века**

Специальность 24.00. 01 -теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Киров - 2003

Работа выполнена на кафедре этики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и на кафедре культурологии Вятского государственного гуманитарного университета

Научные руководители - доктор философских наук,
профессор Л.Б. Волченко

кандидат философских наук,
доцент В.А. Криушина

Официальные оппоненты - доктор исторических наук,
профессор Г.Г. Загвоздкин

кандидат культурологии
Г.И. Орлова

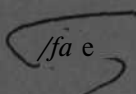
Ведущая организация - Российский государственный
гуманитарный университет

Защита состоится 25 декабря 2003 года в 17 часов на заседании диссертационного совета К 212.041.02 при Вятском государственном гуманитарном университете по адресу: 610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Вятского государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан XV ноября 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

 /fa e Н.И. Пospelова

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В условиях изменившейся социокультурной ситуации, начало которой отмечено новым столетием, особенно остро стоит вопрос о тенденциях и перспективах развития отечественной культуры, базирующихся на поиске новых духовных ценностей. Открытость информационного пространства способствует активности культурных запросов общества, восполнению культурных потребностей. В этих условиях возрастает роль культурного наследия, онтологических основ национальной культуры, которые осознаются как органическая живая часть современной культуры, без которых невозможно формирование национального и индивидуального сознания, понимания непреходящих ценностей истории.

Проблема кризиса национальной культуры предстает сегодня во множестве ракурсов - и как историко-философская проблема, и как оценка культурфилософской ситуации, что делает необходимым осмысление системы ценностей, составляющих основу духовного бытия человека. Кризисы и катастрофы нынешних дней, поиски путей возрождения России вновь и вновь заставляют нас обращаться к духовному наследию России XIX века, когда предельно поляризованное поле русской культуры явило собой новый социокультурный феномен, в котором стремление к единству, синтезу форм духовного сознания обрело характер напряженных поисков, духовных и художественных открытий, пророчеств. Непреходящее значение в разворачивании этих процессов, их интенсивности отводится духовной и культурной миссии старчества, феномен которого только начинает осмысливаться современной культурологией в единстве всех его составляющих.

Актуальность исследования определяется не только необходимостью обобщить и систематизировать находящийся в поле зрения исследователя эмпирический материал, но и выяснить основные тенденции сложного антиномичного осмысления духовного феномена старчества русской культурологической мыслью XIX века.

Цель исследования - на примере анализа духовного опыта старчества Оптиной пустыни как феномена русской духовной культуры, формирующего ее мировоззренческий и поведенческий контексты, выявить основные доминанты его влияния на развитие отечественной культуры XIX века,

представленной в диссертации творческим наследием И. Киреевского, Н. Гоголя, К. Леонтьева, Ф. Достоевского и Л. Толстого.

Постановка цели определила необходимость решения следующих задач:

- выяснение сущностных характеристик феномена старчества в единстве его культурно-исторического и религиозно-философского генезиса и контекста;
- реконструкцию мировоззренческого и поведенческого комплекса оптинского старчества на материале житийной, мемуарной, эпистолярной и иной литературы;
- анализ процесса вхождения православной культурной традиции, носителями которой были оптинские старцы, в русскую культурфилософскую и нравственно-этическую мысль XIX века;
- интерпретацию с точки зрения евангельской, святоотеческой и старческой традиций ведущих христианских ценностей: *смирения, любви и свободы*, ставших центром культурной рефлексии русской философии и литературы XIX века, в многообразии их проявления в наследии И. Киреевского, Н. Гоголя, К. Леонтьева, Ф. Достоевского и Л. Толстого.

Объект исследования - феномен старчества Оптиной пустыни в системе его нравственных ценностей, рассмотренный с точки зрения его обусловленности историческими и культурными особенностями и влияния на русскую духовную культуру XIX века

Предмет исследования - система культурфилософских и нравственно-этических идей представителей русской культуры - И. Киреевского, Н. Гоголя, К. Леонтьева, Ф. Достоевского и Л. Толстого в контексте этической культуры старчества. В сферу анализа вошли теоретические, художественные, публицистические, мемуарные и эпистолярные материалы, составляющие наследие как старцев Оптиной пустыни, так и мыслителей XIX века.

Методологические и теоретические основания работы. Методология исследования обусловлена его предметом и целью, предполагающими выявление религиозно-философских оснований духовного совершенствования как ведущей парадигмы культурного сознания XIX века. В работе используются методы сравнительно-сопоставительного анализа культурных текстов, теории толкования текстов культуры и словесных текстов. В основу диссертации положен целостно-системный подход к изучению культурной преемственности с учетом сравнительно-типологического, историко-генетического и текстологического методов исследования. Теоретическую базу исследования составили работы, посвященные различным аспектам культурной, социальной, философской антропологии, типологии общественного и религиозного сознания, онтологии культуры.

Степень научной разработанности проблемы. Решение задач исследования оказалось возможным при условии обращения к широкому кругу научной литературы, которые группируются по пяти направлениям:

- работы философского плана, в том числе религиозно-философского, определяющие ментальные характеристики русской культуры (П. Фло-

ренский, П. Новгородцев, Н. Лосский, П. Сорокин, Г. Федотов, Н. Бердяев, В. Зеньковский, С. Хоружий, И. Евлампиев), специфику христианской этики (архим. Платон (Игумнов), М. Новоселов), а также культурно-исторический аспект формирования старчества (С. Соловьев, С. Смирнов, Г. Флоровский, митр. Трифон (Туркестанов), Е. Зимакова);

- специальные исследования, посвященные философским и религиозно-этическим аспектам творческого наследия И. Киреевского, Н. Гоголя, К. Леонтьева, Ф. Достоевского, Л. Толстого (Н. Павлович, А. Евгин, Г. Хьетсо, В. Гиппиус, В. Косик, свящ. К. Зайцев, В. Котельников, М. Сумбатов, П. Евдокимов, Антоний (Храповицкий), Ю. Манн, А. Антонов, Л. Авдеева, Г. Слесарева, Е. Белоусова, Вл. Эрн, В. Артемов и др.);

Обращение к анализу агиографии как специфического жанра религиозной литературы потребовало привлечение ряда исследований историко-религиозного плана (И. Концевич, С. Нилус, старец Варсонофий, игумен Андронник (Трубаев), иеросхим. Иосиф (Литовкин), С. Веснин (Святогорец)).

Информационными источниками исследования послужили работы В. Розанова, Л. Шестова, В. Лясковского, Н. Федорова, С. Булгакова, Е. Трубецкого, свящ. Игнатия (Брянчанинова), архим. Федора (А. Бухарева), А. Толстой, Н. Барсова, С. Четверикова, А. Достоевской, А. Ельчанинова, Л. Карсавина, И. Зограб, Г. Адмовича, В. Иванова, В. Маклакова, М. Бахтина, Д. Мережковского, Н. Страхова, Е. Поселянина, Ф. Степуна и других.

Между тем накопленные специальными гуманитарными исследованиями материалы позволяют рассматривать обозначенную проблему на междисциплинарном культурологическом уровне с целью преодоления упрощенного или одностороннего, как следует из обзора исследований последних лет, ее понимания, с учетом ее сложности, многоаспектного^{TM}. В этом своем понимании (единстве религиозно-философского, нравственно-этического, историко-культурного, художественного уровней) культура XIX века сформировала новое проблемное поле, объединяющее так или иначе между собой всех современников, на разных уровнях их сознания, и наделила их общим духовным опытом, порожденным эпохой.

Материалы и источники исследования.

Изучение святоотеческой нравственной традиции обусловило обращение к духовному наследию святых отцов: Григория Богослова, Иоанна Лествичника, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника, Макария Египетского, аввы Дорофея, Исаака Сирина и многих других.

Источники, освещающие жизнь и духовное наследие оптинских старцев представлены их житиями: архим. Агапит (Беловидов) «Жизнеописание Оптинского иеромонаха Леониды (в схиме Льва)» архим. Агапит (Беловидов) «Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеромонаха Амвросия», иеромонах Леонид (Кавелин) «Житие иеромонаха Макария», «Житие иеросхимонаха Льва», «Житие иеросхимонаха Иосифа», «Житие иеросхимонаха Илариона» и другие, а также эпистолярным наследием.

В качестве источниковой базы привлекались философские труды, письма, отчасти литературные произведения И. Киреевского, Н. Гоголя, К. Леонтьева, Ф. Достоевского, Л. Толстого.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена широким охватом материала, ракурсом его анализа, интегративным подходом к проблеме, трактовкой основных вопросов и методикой анализа:

1. Впервые предлагается комплексное исследование поставленной проблемы, предполагающее освещение разных граней освоения духовного опыта оптинских старцев в духовном сознании XIX века как проявления процесса самопознания личности.

2. Более глубоко и многоаспектно выявлено и изучено влияние религиозно-этического опыта старцев Оптиной пустыни на русскую духовную культуру XIX века в границах культурфилософского осмысления категорий *смирения, любви и свободы*.

3. Представлен культурологический комментарий к эпистолярному и религиозно-философскому наследию старцев Оптиной пустыни, что позволило реконструировать пути и формы взаимодействия феноменов светской и религиозной культуры XIX века.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена:

- дальнейшей разработкой проблем, связанных с процессами преемственности в духовной культуре и взаимодействием сфер культурного сознания;
- в расширении и уточнении категориального аппарата применительно к онтологическим аспектам культурной целостности феномена старчества, его культуросозидательной роли;
- применением новых принципов теоретического осмысления проблемы целостности и синтеза в отечественной культуре XIX века.

Практическая значимость заключается в следующем:

- на основе разработанных принципов возможно проведение аналогичных научных исследований других персоналий отечественной культуры;
- работа может представлять интерес для теоретиков и историков русской и мировой культуры и литературы;
- материалы диссертации могут быть использованы в практике преподавания курсов истории русской литературы и культуры, религиозведения, истории философии, культурной антропологии, этики, отечественной истории.

Личный вклад **диссертанта** состоит в том, что исследование осуществлено на междисциплинарном уровне, с привлечением материала, не рассматривавшегося в русле комплексного подхода. Кроме того, личный вклад автора заключается в актуализации проблематики, принципиально значимой для осмысления закономерностей развития русской духовной культуры XIX века.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сущностные характеристики старчества как уникального феномена культуры, проявившиеся в «экзистенциальности», традиционности, соборности, открытости миру, духовно-практической направленности, определили доминантные черты русской культуры XIX века, которые выразились в обращении к духовным ценностям святоотеческой культурной традиции.

2. Доминантные духовно-нравственные ценности *смирение, любовь и свобода* явились основополагающими категориями в процессе преемственности трех линий культуры (святоотеческой, старческой и светской), реализуясь в своем проявлении многоаспектности и диалогичности.

3. Проблемное поле, созданное культурой XIX века, объединившее между собой всех современников, наделило их общим духовным опытом, порожденным эпохой, выразившимся в единой проблематике, сложном духовном поиске основ бытия, размышлениях о противоречивости духовной судьбы человека.

4. Творчество таких русских мыслителей, как И. Киреевский, Н. Гоголь, К. Леонтьев, Ф. Достоевский и Л. Толстой, являясь сферой реализации самопознания личности, отразило процесс вхождения в русскую культуру XIX века православной культурной традиции, носителями которой были оптинские старцы. При этом в каждом случае рефлексия и культурное осмысление этой традиции осуществлялись своим особым путем, формировали оригинальную мировоззренческую систему, определяя ее место в процессе национальной самоидентификации русской культуры.

Апробация работы осуществлялась в ходе выступлений на научных конференциях: «История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии)» (1994), «История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии)» (1994).

По результатам выполненного исследования опубликовано 4 статьи. Отдельные главы и диссертация в целом обсуждались на кафедре этики МГУ и кафедре культурологии ВятГУ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих 11 параграфов, заключения и списка литературы.

Основное содержание работы

Во *Введении* обосновывается значимость выбора темы исследования, ее актуальность, рассматривается степень изученности проблемы, определяются цели и задачи исследования, формулируются его объект, предмет, теоретико-методологическая база, фиксируются предметные и хронологические рамки исследования, источниковедческая основа, аргументируется выбор литературы, формулируется новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость.

Первая глава диссертации «Старчество Оптиной пустыни: личностный и мировоззренческий аспекты» включает культурологический анализ феномена старчества и опирается на сопоставление евангельской, святоотеческой и старческой традиций в трактовке человеческой личности, системы ее добродетелей, актуальных прежде всего в контексте христианской культуры, - *смирения, любви, свободы*.

Сложность культурного осмысления этих категорий определяется соотносимостью смирения и бунтарства в антиномичной характеристике российской ментальное™. По мнению Н. Бердяева, антиномичность русской культуры обусловлена тем, что в основу души русского человека заложены два противоположных начала: языческая, природная стихия и аскетически-монашеское православие. Поэтому в русском народе можно видеть противоположные свойства: воинствующее безбожие и искание бога, бунт и смирение, жестокость и жалость к человеку, вольность и покорность.

В то же время в душе русского человека есть сила, влекущая к добру и осуждающая зло, - голос совести. Поэтому основными чертами ментальное™ русского этноса являются религиозность, правдоискательство, устремленность к абсолютному добру. Для него важны ценности, которые русские святые осуществляли в своем поведении: простота жизни, самоотверженность, *смирение, любовь, духовная свобода*.

К числу ведущих характерологических свойств русского народа, тесно связанных с исканием абсолютного добра, относится любовь к свободе и высшее ее проявление - свобода духа. Когда человек определяет, какой из возможных способов поведения выбрать, у него нет йостоверного знания об идеальных путях достижения цели. Поэтому тот, кто обладает свободой духа, склонен подвергать испытанию всякую ценность не только мыслью, но и на опыте.

Напряженное искание абсолютного добра побуждало русский народ подчинить свою «волю» высшему началу как необходимому условию обуздания зла. Свобода духа, искание совершенного добра и в связи с этим испытание ценностей вели к тому, что у русского народа не сложилось строго выработанных форм жизни. Отсюда - совмещение противоречивых свойств и способов поведения, характерных для человека, приводящих его зачастую от сомнений в абсолютном идеале к крайнему равнодушию, а затем и к беспощадному бунту. Поэтому для того, чтобы обуздать «природную стихию» души, русскому человеку важно видеть воплощение абсолютного добра, пример святости.

Вот почему доминантной чертой русской культуры XIX века стали религиозные искания, основанные на обращении к истинным ценностям в том виде, как они «раскрыты» в Библии (особенно в Новом Завете) и развиты в учении отцов церкви. Основные черты русского сознания, все компоненты русской культуры, а также всей системы ценностей представляли собой идеологическое, поведенческое и моральное воплощение этой главной посылки. Во второй половине XIX века религиозность русского народа стала основой духовных поисков интеллигенции, оказавшейся в ситуации раскола. Литература, публицистика, философия, особенно в их антинигилистическом

пафосе, были проникнуты исканием абсолютного добра и смысла жизни. Именно на этом этапе Оптиная пустынь стала одним из центров, сыгравших определяющую роль в процессе нравственных исканий личности.

Первый параграф первой главы *«Основные методологические предпосылки изучения старчества»* содержит обзор основных методологических предпосылок изучения старчества.

Богословское направление изучения проблемы старчества исходит из идеи метафизического своеобразия личности, рассматриваемой как запечатленный в человеке образ Бога и творение Его. Богословская наука рассматривает «обожение» как духовную сформированность личности и ее преображенность благодатью. Такая личность ориентирована на высшие нравственные и духовные ценности, на христианские добродетели.

Этическое направление исследования феномена старчества опирается на тезис о двух основных элементах сущностной сферы человека: мировоззрения и реальной жизненной практики. В данном контексте рассматривается содержание жизненного опыта и мировоззрения старцев, основу которого составляли такие духовные ценности, как смирение, любовь, свобода и др.

Культурологическое направление исследования опирается на идею триединой основы человеческого бытия - природы, социума, Бога. Жизнь человека протекает одновременно в сфере природного существования, социально-культурной и духовной жизни. Духовное начало как универсальная реальность человеческой жизни присутствует во всех этих сферах бытия и выполняет онтологическую функцию его формирования.

Аксиологическое направление исследования исходит из того, что христианизация культуры в целом должна опираться на преображение индивидуальности. Старцы сами преображали «натуральный порядок своей жизни», становясь носителями Духа Христа, а уже затем на индивидуальном уровне учили этому других, внося в сознание человека истины, усвоенные ими путем «внутреннего подвига».

Современная наука должна рассматривать обозначенные позиции в комплексе, так как лишь в единстве теоретико-методологических и историко-культурных позиций возможна полнота и достоверность заявленной научной гипотезы, что и составляет методологическую основу реферируемой диссертации.

Православная традиция, носителями которой были оптинские старцы, имела исключительное значение в истории культуры России. Она вносила в культуру напряженный поиск, ожививший самую субстанцию культуры, обогащая ее православной духовной традицией, заключающей в себе идеи «овнутрения», созерцания, совершенствования, *любви, смирения, свободы.*

Взаимоотношения старцев Оптиной пустыни с конкретной средой, народом и его творческой интеллигенцией привели к развитию и укреплению доминантных черт русского национального самосознания. История, литература, философия, быт, система ценностей - на все эти сферы культурной жизни России XIX века в значительной мере повлиял опыт оптинского старчества. «Оптина есть завязь новой культуры», - справедливо

писал П. Флоренский. Старцы, делясь духовной мудростью с людьми, открывая им основы христианского построения жизни, наполняя глубоким смыслом их бытие, в целом влияли на обновление всей духовной жизни общества, а значит, и на формирование культуры России в целом. И. Киреевский, Н. Гоголь, К. Леонтьев, Ф. Достоевский, Л. Толстой искали через оптинских старцев «выпрямления человеческого духа во Христе».

Второй параграф *«Генезис и историко-культурный контекст становления феномена старчества»* посвящен анализу старчества в его историко-культурном генезисе и формировании.

В истоках становления старчества прослеживается его связь с монашеством, с идеей иноческого духовного подвига. Во многом формирование старчества определялось востребованностью временем, необходимостью выработки этико-культурного компонента жизни общества. В разделе рассматриваются содержательные аспекты двух разновидностей старчества: в одном случае старец являлся непосредственным избранником Бога без административного значения в Церкви (св. Антоний Великий, Варсонофий Великий, авва Дорофей и др.), во втором - он был одновременно и пастырем, и наставником, занимающим место настоятеля обители или иную должность (Св. Пахомий Великий, Нил Синайский, Иоанн Лествичник и др.). Соответственно эти два начала отражали две стороны старчества: старчество как ипостась личности праведника и старчество как особый тип святости, которое имело своей целью достижение духовно-нравственного совершенства, очищение души от страстей, усвоение добродетелей, то есть приобретение духовных знаний, познание психологических законов и глубокое «проникновение» в свою душу.

Старческое руководство на Руси, как в палестинских и египетских скитах, было двух видов: или настоятель, игумен был в то же время и старцем для иноков, или он управлял хозяйственными делами монастыря, а духовное «окормление» было предоставлено другому иноку. Первыми старцами на Руси были преп. Антоний Печерский и преп. Феодосий Печерский (XI век). Продолжили традицию Сергий Радонежский, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский. Применительно к России исследователи говорят о новом типе старчества как «новом виде монастырского послушания в деле служения Церкви народу» (В. Экземплярский), его постоянстве и систематичности, что в полной мере осуществилось в оптинском старчестве, для которого характерны следование святоотеческим традициям и идее соборности, духовная открытость миру, осознание своей просветительской миссии, определенный «экзистенциальный» опыт, духовно-практическая направленность их учения.

Новый этап в истории русского монашества отмечается в XIX веке и связан с деятельностью Паисия Величковского, побывавшего на Афоне и в молдавских монастырях, воспитавшего учеников, которые возродили старчество в России и, в частности, в Оптиной пустыни.

Расцвет монашества в России справедливо связывается с Оптиной пустыней, восстановленной в 1821 г. В монастыре нашла отражение

Византийская (Афонская) традиция, восходящая к первому виду старчества, в частности к св. Иоанну Предтече, Антонию Великому и др.

Введение старчества было осуществлено старцем Леонидом (Наголкиным) (1768-1841) и развито его последователями: старцами Макарием, Моисеем, Амвросием, Варсонофием, Анатолием (Зерцаловым), Иосифом, Антонием, Иларионом, Исаакием (Антимоновым), Анатолием (Потаповым). Старцы Нектарий, наделенный даром пророчества, Никон Исповедник, несший крест старческого служения в тяжелейшие для России годы, мученик Исаакий (Бобриков) замыкают эту плеяду до закрытия Оптиной в 1923 г.

Оптина пустынь восстановила утраченную ортодоксальными религиозными институтами связь между миром и монастырем: монах воспринимался не как чуждый человек, живущий замкнутой жизнью, а как учитель, готовый помочь опытом, советом, верой. Об этом свидетельствуют факты обширной переписки, приводимые в диссертации, переводы святоотеческих творений, издания нравственно-практического содержания, адресованные мирянам. Все это делает русское старчество XIX века уникальным феноменом культуры.

В третьем параграфе *«Личность в аспекте нравственной ценности добродетели»* рассматривается этика добродетели в единстве евангельского, святоотеческого и старческого их толкований и в связи с духовной культурой в целом.

Толкование добродетели является важнейшим компонентом старческого вероучения, имеющим культуросозидательный смысл в силу связи с проблемой нравственного совершенствования человека. Духовно-нравственный аспект добродетели выявляет те духовные качества, которые приобретает человек в результате своего жизненного пути, при этом в русле святоотеческой традиции важна интерпретация добродетели как в конструктивном, так и в функциональном смысле.

Поскольку человек находится в состоянии, обусловленном тремя факторами (природой, воспитанием и действием благодати) добродетели в современной науке разделяются на три вида: природные, приобретаемые и харизматические (П. Игумнов).

В христианском мирозерцании человеку открывается идеал добродетелей с особенным указанием на нравственно-аскетический подвиг, *любовь, смирение и самоотречение*. Как свидетельствуют многочисленные источники, старчество Оптиной пустыни, ориентируясь на понимание человека как совершенного творения Бога, усматривало тесную связь между аскетическими, этическими и религиозными добродетелями, динамическое единство которых служит целям духовного совершенствования личности, являясь одновременно универсальным принципом всей духовной культуры.

Четвертый параграф *«Смирение и любовь как основные добродетели Оптинских старцев»* содержит анализ общекультурных аспектов *смирения и любви* как основных добродетелей оптинских старцев.

Онтологический смысл *смирения* заключается в победе над человеческой самостью, над греховной склонностью человека полагать центр

тяжести и источник жизни в самом себе, в победе над гордыней. Смысл *смирения* — в преображении человеческой природы, в господстве духовного человека над «душевным» и «плотским» человеком. Об этом свидетельствует смысл многих писем старцев Макария, Амвросия, Антония и других. В своих наставлениях оптинские старцы говорили о *смирении*, о сложностях и средствах его достижения и о значении этой добродетели в духовной жизни.

Не менее важным принципом жизнедеятельности старцев была *любовь*, на которой зиждется христианская духовность. В основе мировоззрения старцев Оптиной пустыни лежало христианское учение, согласно которому *любовь* - дар Бога, совершенствующий природу человека, так как в *любви* к ближнему каждая человеческая личность находит свое совершенство, становится подобной Христу. Любовь к ближним после *любви* к Богу должна быть в сердце человека. *Любовь* к ближнему - признак приобретения истинной *любви* к Богу. Если она есть, то она проявится в добрых делах во благо ближнего.

Оптинские старцы понимали, что *любовь* и *смирение* делают человека духовно совершенным, поэтому они стремились к их достижению, а также призывали своих учеников следовать этим добродетелям. *Смирение* и *любовь* были для оптинских подвижников важнейшими жизненными принципами. *Смирение* помогло старцам вытерпеть все лишения и страдания, которые сопутствовали им в течение жизни. Всей своей жизнью оптинские старцы являли пример служения ближним. Обращение к письмам и наставлениям старцев Амвросия, Макария, Леонида и других, приведенных в данном разделе с выходом на культурологический их комментарий, свидетельствует о стремлении старцев связать единой нитью христианские и мирские ценности, представить их взаимоотражение и бесконечную диалогичность. Во многом этот факт объясняет потребность деятелей русской культуры XIX века в осмыслении духовного опыта Оптиной пустыни.

В пятом параграфе «*Духовно-нравственная ценность свободы как основа становления личности*» исследуется проблема *свободы* в евангельском, святоотеческом и старческом аспектах. Интерпретация темы свободы имеет важный мировоззренческий смысл.

Свобода в святоотеческом понимании - это способность личности к творческому становлению в границах тех возможностей, которые определены Богом. Пользуясь даром *свободы*, человек сообщает смысл процессу своего становления, предпочитая тот или иной закон существования. Осуществляя способность нравственной ориентации в области смыслов и ценностей, человек сознательно делает каждый выбор и создается как нравственная личность. «Закон дан не естеству, но свободе произволения, которая может преклониться и на доброе, и на худое», - писал преп. Макарий Египетский.

В двойственности человеческого бытия (материальной и духовной его сторон) заключается в понимании старцев экзистенциальный корень человеческой *свободы*. Святоотеческая традиция рассматривает эту

двойственность как самую яркую и уникальную характеристику человека, перед которым стоит задача творческого самоопределения в реальном и идеальном мире ценностей. Но соблазн *свободы* опасен, он способен привести человека на путь зла, и только ориентация личности на идеальное самоопределение, в котором выражается абсолютная воля Бога, не ограничивает *свободу* человека и не исключает при этом ценностей материального мира. Идея нравственной: *свободы* личности в единстве аскетического и этического принципов ее формирования - одна из кардинальных и самых притягательных с точки зрения нравственной культуры в учении оптинских старцев.

Именно эта идея станет для всей культуры XIX века, в том числе и художественно-философской, той доминантой, которая будет определять и остроту ее нравственно-этической проблематики, и вектор основной полемики.

С концепцией *свободы* тесно связана концепция греха и покаяния. В святоотеческой традиции грех понимался не просто как нарушение духовных правил, а как нечто большее - как потеря благодати, внутренний разлад, раскол всех душевных, телесных и духовных сил. Грех - это нечестное, не должное и недостойное деяние, находящееся в противоречии с требованиями Божественного закона, являющееся ущербным по отношению к личному благу и совершенству. С точки зрения святых отцов, мерой человеческих деяний, желаний и стремлений является их соответствие требованиям правды и любви.

Покаяние в данном контексте - это грань, лежащая между грехом и *свободой*. Человек становится свободным от своего греховного прошлого лишь тогда, когда это прошлое останется за порогом покаяния. О значении покаяния в духовной жизни человека писали старцы Амвросий, Макарий, Леонид и другие, видевшие в покаянии смысл нравственного самоопределения человека и достижения *свободы* от греха.

Таким образом, оптинские старцы так же как и святые отцы, признавали человека нравственно свободным, способным управлять своей волей, поступками и быть ответственными за них перед Богом.

Старческая духовная традиция стремилась быть близкой к своему первоисточнику. Оптинские подвижники с особой настойчивостью изучали и призывали своих «духовных детей» осваивать святоотеческое наследие. Поэтому главная особенность русского религиозного сознания, носителями которого были оптинские старцы, заключается в том, что оно сохранило дух христианского учения в первоначальном виде. Оптинские старцы, являясь народной святыней, обладали великой силой «духовного сцепления», которая сплотила вокруг себя множество людей, начиная с мирянина и заканчивая великими мыслителями XIX века.

Вторая глава диссертации - «Влияние оптинского старчества на духовно-нравственную культуру России XIX века» посвящена анализу разных граней влияния оптинского старчества на культуру XIX века, преимущественно в ее культурфилософской и художественно-философской представленное™.

Русская интеллигенция XIX века испытала глубокий религиозный кризис, который привел некоторых ее представителей к безверию, а иных и к богоборчеству. И в данном случае не о потере религиозности русской интеллигенции должна идти речь, скорее, наоборот: в мучительных поисках, утрате и обретении идеалов и нравственных ценностей проявлялась тенденция к переосмыслению и новому пониманию мира и человека в нем. В этой связи специальное внимание в главе отводится анализу творческого наследия И. Киреевского, Н. Гоголя, К. Леонтьева, Ф. Достоевского и Л. Толстого, выявлению тех его аспектов, которые обусловлены влиянием (личным и опосредованным) оптинского старчества. Это публицистика и художественные произведения, мемуарное и эпистолярное наследие. Выбор имен обусловлен, во-первых, тем, что каждый из мыслителей в той или иной степени испытал на себе непосредственное воздействие комплекса идей оптинских старцев, во-вторых - что это воздействие в каждом случае проявлялось по-своему, реализуясь на различных культурных уровнях, формируя различные индивидуальные нравственно-этические модели сознания. Тем самым в диссертации предпринимается попытка поиска разноаспектного осмысления феномена старчества, что позволяет представить процесс формирования духовной культуры XIX века в сложном многообразии.

Многогранность духовного опыта оптинских старцев и сложность религиозного поиска «спасения» в жизни и сознании каждого мыслителя обусловили многоплановое восприятие истины, хранящейся в христианском учении. Подлинное духовное единство старцев не поглощало, а возвеличивало нравственные переживания каждого человека, обращавшегося к подвижникам. При этом истина понималась мыслителями не как теоретическое понимание мира, но как «истина-правда», своеобразный нравственный императив, который должен стать основой жизни как отдельной личности, так и всего человечества. В этом контексте можно согласиться с мнением Г.П. Федотова: «Высочайший смысл культуры - богопознание... В земной жизни призвания народов, как и личностей, ведут по разным путям... Народ, «забывшись» о своем служении, рискует оказаться рабом, зарывшим в землю талант». «Поэтому первый долг для нас - долг самопознания» (Федотов Г.П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. - М.: Наука, 1990. - С. 448-449).

В первом параграфе *«Оптинские старцы в духовно-нравственной жизни русского народа»* проанализированы место и роль старцев в жизни российского общества.

Старцы были духовными учителями и выполняли возложенные на них функции по просвещению и «просветлению» народа, который считал их святыми. Ведя переписку со многими прихожанами, встречаясь с ними лично, они руководили их духовной жизнью, поясняли, как нужно жить христианину в миру. Знания их основывались, во-первых, на глубоком изучении Священного Писания и святоотеческих творений, во-вторых - на проникновении во внутренний мир человека, на победе над собственными

грехами и страстями, в-третьих - на подвиге жертвенной любви и сострадания к людям, в-четвертых - на опыте личного общения с людьми разных сословий, возрастов и положения в обществе.

Оптинские старцы являлись для мирянина как бы переходом к высшей степени бытия и тем самым служили живыми свидетелями божественной действительности. Они не укладывались только в национальные рамки, как вообще все духовные и культурные ценности человечества. Старцы одновременно и сверхнациональны, так как из сверхнационального и Вечного черпали свою силу, и вместе с тем они - высшее достижение русского народа.

Второй параграф *«Православная духовность в системе мировоззрения И.В. Киреевского»* содержит анализ влияния святоотеческой и старческой традиций на формирование философских взглядов писателя.

Будучи одним из первых русских мыслителей, который обратился к духовному источнику Оптиной пустыни, И. Киреевский открыл в святоотеческом и старческом наследии то нравственное содержание философии, которое он искал в западноевропейских философских системах и попытался построить мировоззренческую основу русской культуры на христианских началах. Он почувствовал, что высшее познание истины связано с цельностью духа, с восстановленной гармонией всех духовных сил человека. Это восстановление достигается внутренними подвигами, духовным деланием. Так, из убеждения «цельности духа» выросла вся философия Киреевского.

Эти мысли отражены в его статьях «О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России», «О возможности и необходимости новых начал для философии», в письмах и отрывках, в которых заложены предпосылки православной философии. Наследование духовного опыта старцев осуществлялось Киреевским в диалогических отношениях, потому что он считал, что восстановить философию святых отцов в том виде, как она была в их время, невозможно. По его мнению, нужно сообразовать «живительные истины» святоотеческой традиции с «современной образованностью», с «настоящим требованием просвещения». Истины, выраженные в писаниях святых отцов, должны стать для философии «зародышем и светлым указателем пути».

Учение Киреевского представляет собой последовательное развитие трех положений, добытых им в его личном опыте: человек есть чувственное ядро, которое является верховным и единственным органом управления личностью; это чувственное ядро, объемлющее всю душевную жизнь человека от элементарного чувствования до убеждения веры, и есть в человеке единственно существенное, единственно космическое, или Божественное; вся работа человека над самим собой должна заключаться в правильном устройении этой внутренней личности, в приведении ее к единству воли, так, чтобы исчезла раздвоенность чувства и сознания и чтобы ни одно частное чувство не брало верх над центральной, всегда верной себе волей.

Избрав Оптинского старца Макария своим духовным учителем, Киреевский пытался проникнуться духом наставника, достичь полного подчинения своей воле воле избранного им руководителя, воспитать в себе *смирение*, христианскую *любовь*, *свободу*. Приобретая подлинный религиозный опыт, философ постиг духовное богатство, которое ему раскрылось в Оптиной пустыни и понял ее значение.

В третьем параграфе «*Н.В. Гоголь: смысл жизни и творчества в зеркале ценностей святоотеческой традиции*» прослеживается процесс обращения писателя, поставившего перед собой задачу переосмысления проблем культуры в свете православия, к духовному опыту оптинских старцев.

Религиозность Гоголя, сложные идейные искания привели его в Оптину пустынь, которая для него являлась воплощением и хранительницей «святоотеческого любомудрия». На основе анализа его писем и таких работ, как «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», «Правило жития в мире», в диссертации выявляются общие со старцами истоки формирования взглядов (святоотеческая литература), использование центральных понятий этики старчества (*любовь*, «гордыня», грех, покаяние), выбор проблематики творчества (достижение *смирения*, которое понималось писателем как преодоление гордыни, приобретение *любви* к людям для их «спасения», поиск в каждом человеке «святыни»).

Для определения контекста творчества Гоголя важно подчеркнуть также биографические аспекты его связи с Оптиной. Святоотеческая культурная традиция в лице старца Макария определяла духовную направленность творчества мыслителя, указывая ему путь «постижения истины». Как свидетельствует из комментария к переписке Гоголя со старцем Макарием, проведенного в работе, оптинский подвижник учил писателя смиряться и каяться перед Богом, призывая к ответственности за созданные им произведения. Стремясь к нравственному совершенству и духовному возрождению, Гоголь по мере сил боролся против своих грехов, пытался своим творчеством пробудить в людях желание добра. Трагизм внутреннего конфликта, неразрешимость духовных противоречий, отраженные в последних сочинениях Гоголя, во многом обусловили причины, своеобразие и итог его обращения к святоотеческой традиции. :

Четвертый параграф «*КН. Леонтьев: поиск духовного совершенства*» посвящен анализу духовных исканий философа, поселившегося близ Оптиной пустыни и постоянно обращавшегося к духовной поддержке старцев. В параграфе была сделана попытка показать, что православие было для Леонтьева личным подвигом, совершаемым в повседневной жизни, и духовной опорой в процессе формирования и совершенствования мировоззрения.

Под влиянием оптинских старцев Леонтьев в иерархии ценностей первое место определял «страху божьему», который пробуждает человека от греховного сна, наставляет на праведный путь. Далее следует «*смирение*», ведущее к вере, страху перед Богом и к послушанию, *любовь* же призвана завершить этот ряд. Поэтому для Леонтьева *любовь* без *смирения* и страха

Божия не есть *любовь* христианская, несмотря на привлекательность, искренность порывов и практическую пользу. Как свидетельствует из сочинений К. Леонтьева, писатель расширяет культурный и нравственно-этический контексты идей старчества, выводя их на уровень философского осмысления.

Наперекор общей тенденции к позитивному упрощению всех проблем, Леонтьев; неизменно апеллировал к глубокому, духовному смыслу жизни и культуры; В монашеской аскетике он искал пути к праведности, полагая, что жизнь монахов облагорожена духовным смыслом, так как она направлена на развитие и утверждение духовности, святости, подвижничества. В византийском православии он видел единственное противостояние эвдемоническому прогрессу, против которого он ожесточенно боролся, разоблачая его несостоятельность и гибельный, для человека и человечества характер. По его мнению, стремление к материальному благополучию и довольству парализует духовные потребности и устремления человека, отвращает его от Бога, обрекая его на духовное умирание.

Приведенный в диссертации общий анализ его писем и работ, созданных в Оптиной пустыни («Анализ, стиль, веяние», «Записки отшельника», «Тургенев в Москве»), свидетельствует о том, что при полном отобрении старцами его духовного пути писатель сохранял внутреннюю независимость духа от взглядов оптинских старцев. Высказываясь за независимое и творческое православие, он оставлял за собой право иметь собственное мнение и о своем историческом призвании, и о догматах Церкви, которые, сохраняя свою неизменную суть, могут в будущем развиваться и трансформироваться с изменением общекультурных условий.

Пятый параграф *«Нравственная проблематика романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в контексте духовного пути оптинского старчества»* посвящен отбору и систематизации понятий, ключевых для воплощения замысла автора по осмыслению духовного опыта старцев Оптиной пустыни.

После посещения Оптиной пустыни и на материалах, собранных в результате встреч со старцами, Ф.Достоевский излагает свои наблюдения в художественном тексте, который в данном параграфе рассматривается как универсум культуры именно в силу того, что он по принципу зеркальности отражает как те культурные реалии, в сфере которых существуют его герои, так и культурные традиции, используемые для создания художественных образов.

Роман Достоевского «Братья Карамазовы» был создан в рамках святоотеческой культурной традиции и с этой точки зрения достаточно полно исследован. Это определило обращение диссертации к наименее разработанному ракурсу, обусловленному логикой литературных зеркал в попытке определить контекст создания романа. В разделе проанализировано воплощение Достоевским категорий *смирения, любви и свободы* на базе теоретических выводов, сделанных в первой главе, что позволило обнаружить общность проблематики, истоков формирования взглядов

писателя и оптинских старцев (святоотеческая литература), переключку онтологических понятий (грех, покаяние, страх Божий, *смирennemудрие*).

Для определения контекста также важно своеобразие писательского следования святоотеческой культурной традиции в понимании этих категорий. Как и старцы, он понимает *любовь* как онтологическую силу, целью которой является преображение земного состояния. Достоевский показал, что благодатное творческое воздействие *любви* просветляет и преобразует человеческое сознание чувством всеобщей, взаимной, ответственности. По его мнению, настоящая христианская *любовь* приводит человека к убеждению, что «всякий пред всеми, за всех виноват». Это утверждение раскрывает идею всеобщей солидарности и ответственности людей друг за друга, которая свойственна православному сознанию. Поэтому, согласно мысли Достоевского, *любовь*, как начало веры и жизни, по природе своей носит в себе начала соборности и «вселенскости».

Вслед за оптинскими старцами Достоевский осознал, что смысл и радость жизни для человека состоит в духовной *свободе*, которая есть высший дар, данный Богом человеку. Человек принадлежит не только природе, ее законам, в нем есть «божественное семя», что и составляет суть самой личности, то, во имя чего он и появился на свет. «Трудность» *свободы*, по мнению Достоевского, заключается в том, что человек свободно выбирает между добром и злом. Через страдания и часто через преступление человек освобождается от соблазнов зла, вновь обращается к Богу. Достоевский показал, что *свобода* осуществима только через *любовь* и братство - в этом тайна соборности, тайна Церкви как братства и *любви* во Христе.

В отличие от других представителей русской духовной культуры, чье наследие рассматривается в диссертации, Ф. Достоевский не оставил практически никаких воспоминаний или писем, содержащих более или менее полные сведения о своем общении со старцами, но, как великий художник, силой своего гения он «перевел» собственные впечатления и опыт в сложную художественную систему романа, придав им философскую глубину, образную выразительность и культурный смысл.

Шестой параграф «Новая религия» Л.Н. Толстого и Оптиной пустынь посвящен специфике обращения писателя к духовному опыту оптинских старцев, которые так и не смогли помочь найти ему компромисс между потребностями его души, тянувшейся к вере, и интеллекта, полного сомнений и противоречий.

Несмотря на влияние старцев, оказанное на Толстого, которое у него проявилось в сложном духовном поиске основ бытия, в размышлении о противоречивости духовной судьбы личности, в общей со старцами проблематике и ключевых понятий, он сохранил оригинальность в толковании содержательных основ христианства, стремясь придать им интеллектуальный смысл и претендуя на создание нового вероучения. В разделе на анализе дневников и писем писателя показано, что он в противовес мнению оптинских старцев, ориентировал человека на поиски земных истин.

Несмотря на то, что в основы духовных ценностей Толстой включал *смирение, любовь и свободу*, в то же время он придавал им свой смысл. В ущерб выделяемым святоотеческой духовной традицией аскетическому и духовному аспектам *смирения*, в понимании этой категории у Толстого преобладал социально-этический контекст. *Смирение* он понимал не как «нищету духовную», а как необходимое условие достижения равенства: смиряясь, люди не будут «превозноситься», станут считать себя ниже всех, и, таким образом, все окажутся равны. Именно поэтому его мучило привилегированное положение и он всерьез задумывался раздать свои имения крестьянам.

Учение о *любви* у Толстого имело рационалистический характер. Представляя человека смертным существом, содержащим в себе Бога как желание блага всему, Толстой осознал *любовь* в качестве воплощения только земного братства, призывая одинаково любить друг друга и исключая тем самым онтологический смысл понятия.

Свобода, по мнению Толстого, это сложный процесс постижения истины - правды жизни. Она состоит в движении от «темноты» к «свету», от «низшего» к «высшему» - к идеалу нравственного совершенства, в принципе достижимому на земле как исполнение общего всем закона бога: только исполняя закон бога, все люди будут свободны.

Как свидетельствует из контекста его посмертного сборника «Путь Жизни», писем и воспоминаний А.А. Толстой, Л. Толстой не чувствовал зла и греха, поэтому не испытывал потребности в покаянии. На зло он смотрел рационалистически, видя в нем лишь недостаток разумного сознания. Философия Толстого может быть определена как религия самоправедности и самоспасения разумом и разумным поведением.

В Заключении работы излагаются выводы исследования и намечаются общие перспективы и специальные ракурсы дальнейшей разработки темы.

Основные результаты исследования отражены в **публикациях**:

1. Ордина О.Н. Потаенный сердца человек (Об отце Стефане) // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. - Киров: Волго-Вятское книжное издательство, 1994. — С.343-347.

2. Ордина О.Н. Размышления о «Письмах Святогорца» // Религия и Церковь в культурно-историческом развитии русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона Вятского чудотворца): Материалы Международной научной конференции. Киров, 1996. - С.82-84.

3. Ордина О.Н. Старчество как явление религиозно-нравственной жизни России XIX века // Проблемы русской философии на фоне информационной глобализации: Материалы городской научной конференции преподавателей гуманитарных наук вузов г. Кирова. - Киров: МГЭИ, 2002. - Том 1. - С. 70-75

4. Ордина О.Н. Влияние старцев Оптиной пустыни на философские взгляды Ф.М. Достоевского // Вестник ВятГГУ. - 2003. - № 9. - В печати.